

Аспирант кафедры
политологии СОГУ
И.А. Гиева

Церковь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии)

И.А. Гиева

Северная Осетия являет собой яркое и красочно-причудливое переплетение культур, наций и традиций. Этот регион уникален по своему этноязыковому и этнорелигиозному многообразию. Длительное сосуществование и тесное сотрудничество различных этно-религиозных микросоциумов дает возможность детального анализа и теоретического осмысления современных государственно-церковных взаимоотношений.

Одной из главных задач, вставших перед молодыми северокавказскими республиками после окончания гражданской войны, стало восстановление и упрочение советской власти. Необходимо было включаться в самый сложный период социалистического обновления жизни, который уже происходил в центре Советской республики.

В предвоенные и военные годы правовое положение Русской Православной Церкви (в дальнейшем – РПЦ) определялось постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях». Оно законодательно утвердило ставшее к тому времени господствующим мнение о том, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо иной деятельностью, кроме удовлетворения религиозных потребностей верующих, преимущественно в пределах молитвенного здания, и что следует вытеснить религиозные объединения из всех сфер жизни общества.

Можно сказать, что религиозные общества превращались в некие резервации для граждан, исповедующих те или иные религиозные убеждения. Одновременно деятельность религиозных организаций и по части удовлетворения чисто духовных потребностей населения была обставлена множеством ограничительных и регламентирующих ее условий.

Помимо постановления «О религиозных объединениях», правовое положение РПЦ определялось несколькими нормативными документами, распоряжениями и постановлениями СНК СССР, Президиума ВЦИК и ЦИК СССР союзных республик, ЦК ВКП(б), решениями съездов Советов, циркулярами и инструкциями НКВД и другими актами союзного и республиканского значения.

Грозная опасность, нависшая над самим существованием государства, необходимость всенародного единения для победы над врагом, патриотическая позиция РПЦ побудили советское правительство к изменениям в религиозной политике. В 1942–1943 годах при активной поддержке правительства прошли 3 Архиерейских Собора. На последнем, состоявшемся 8 сентября 1943 года, был избран Святейший Патриарх Московский и всея Руси митрополит Сергей. В октябре 1943 года был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при Совнарком СССР. В его компетенцию входило содействие в установлении связей между правительством и Московской Патриархией.

Постановление СНК СССР об образовании Совета по делам Русской Православной Церкви было незамедлительно выполнено. На территориях автономных республик, областей, краев назначаются уполномоченные Совета по делам РПЦ.

Согласно постановлению Совета Народных Комиссаров Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики от 24 декабря 1943 года № 947, в должности первого уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК Северо-Осетинской АССР был утверждён Григорий Сергеевич Филоненко.

Несмотря на «потепление» во взаимоотношениях церкви с государственными структурами, ее деятельность строго регламентировалась. Зависимое положение церкви наглядно демонстрирует ответ председателя Совета по делам РПЦ при Совнарком СССР Г.Г. Карпова, датированный 7 февраля 1944 года, на запрос Г.С. Филоненко о порядке пользования колоколами и предметами культа: «На Ваш запрос от 25/1-44 года Совет по делам РПЦ при СНК СССР разъясняет:

1. Колокола, находящиеся на предприятиях, передаче церкви не подлежат. Колокольный звон для созыва верующих не разрешен...

2. Передача из Музея священнического облачения или других предметов культа может быть допущена только как исключение и с особого в каждом отдельном случае разрешения СНК республики и согласия

музейных органов и с обязательным занесением в инвентарную опись имущества, сданного в пользование религиозной общины» [1].

Под особый контроль партии попадает и патриотическая деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны. В апреле 1944 года уполномоченному Совету по делам РПЦ по Северо-Осетинской АССР Г.С. Филоненко от председателя Совета Г.Г. Карпова было спущено указание, в котором предлагалось в течение мая–июня 1944 года собрать полные и точные сведения по всем церквям о всех без исключения проведенных сборах (деньгами, вещами и другими ценностями), начиная с 22 июня 1941 года. Симптоматичным явилось примечание к указанию, в котором предписывалось: «Если есть случаи, что отдельные прихожане не принимали участие в сборе средств или вещей в фонд обороны, в записке следует указать об этом» [1, л. 26].

Духовная и материальная помощь церковных структур, как свидетельствуют документы, была столь эффективной и своевременной, что ее предписывалось усилить. Г.Г. Карпов в очередном послании к Г.С. Филоненко, датированном 8 апреля 1944 года, предлагает: «В связи с предстоящим религиозным праздником Пасхи... 1) Принять возможные меры через епархиального епископа или заменяющее его лицо (благочинный, настоятель церкви) к усилению патриотической деятельности в церквях (чтение патриотического обращения патриарха Сергия, сбор средств в фонд обороны)» [1, л. 26].

В апреле 1944 года на территории Северо-Осетинской АССР насчитывалось всего 2 православные церкви: одна в городе Дзауджикау, а другая в Моздоке. С большим размахом прошли в этих церквях (по сравнению с предшествующими годами репрессий) пасхальные празднества. Обе церкви посетило примерно 23 тысячи человек – около 15 тысяч в Дзауджикау и около 8 тысяч в Моздоке.

С 15 по 16 апреля, т. е. в день праздника, были проведены патриотические моления и сбор средств в Фонд обороны Родины. Переведенный в Госбанк вклад верующих составил около 20 тысяч рублей.

Наряду с русскими православными церквями в Дзауджикау действовала и Армяно-Григорианская церковь. В праздник Пасхи в ней в патриотических молениях участвовало до 4 тысяч человек. Сумма денежных пожертвований в фонд обороны страны прихожан Армяно-Григорианской церкви достигла 10 тысяч рублей.

Согласно отчету уполномоченного Г.С. Филоненко от 30 мая 1944 года, «...по церквям, расположенным на территории Северо-Осетинской АССР, за период с 22 июня 1943 года по май месяц 1944 года, собраны духовенством и верующими в фонд обороны страны следующие средства:

1. На постройку танков, самолетов и вообще в фонд обороны родины – 112 500 рублей.
2. На подарки в армию – 58 800 рублей.
3. В помощь семьям военнослужащих – 16 200 рублей.

Всего внесено церковью в фонд помощи Родине 187 500 рублей. Из вышеуказанной суммы 30 000 рублей в Фонд обороны Родины внесла Армяно-Григорианская церковь» [1, л. 1].

За заслуги перед Отечеством высокими государственными наградами были удостоены священнослужители РПЦ: протоиерей, благочинный церковью СОАССР Григорий Иванович Гончаров (высшей правительственной телеграммой, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941 – 1945 годы», «За оборону Кавказа»); вместе с верующими он собрал по двум приходам в городах Грозном и Дзауджикау 375 000 рублей на организацию танковой колонны имени Дмитрия Донского); священник Анатолий Иванович Тихов (медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией»), диакон Даниил Корнилович Скориков (медалью «За оборону Кавказа», почетной грамотой к двадцатипятилетию Красной Армии), настоятель церкви Пророка Божьего Илии (с 1941 по 1945 гг.) священник Михаил Петрович Битин (высшей правительственной телеграммой, медалью «За оборону Кавказа»).

Всего за войну по приходам, подчинявшимся Московскому патриархату, собрано было более 200 миллионов рублей на нужды фронта [2]. Кроме денег, верующие собирали также теплые вещи для солдат: валенки, рукавицы, телогрейки.

В конце 1945 года в помощь сиротам погибших воинов верующие общества евангельских христиан и баптистов СОАССР пожертвовали и внесли в банк 4 503 рубля.

Сушественную помощь фронту в годы Великой Отечественной войны оказали и приверженцы других религиозных конфессий.

Верующие жители исконно мусульманских сел: Эльхотова, Заманкула, Лескена, Ирафа, Зильги, Махческа, Беслана – с первых же дней войны поднялись на борьбу с врагом. Славные страницы их героической обороны не были запятнаны ни одним случаем дезертирства.¹

Татары, осетины-мусульмане, азербайджанцы активно трудились на трудовых фронтах республики: рыли окопы, создавали народные ополчения, сражались в партизанских отрядах с бандформированиями в горных ущельях.

Представители кумыкского народа на стратегически важном Моздокском направлении снабжали продовольствием военные части Красной Армии и прилегающие населенные пункты.

¹Данные предоставлены автору председателем комиссии по правам человека при Президенте РСО-А Ю.С. Сидаковым

Таким образом, весь многоконфессиональный народ Северной Осетии решительно отстаивал каждую пядь родной земли.

В мае 1944 года в СССР для осуществления связи между правительством Советского Союза и руководителями неправославных церквей и религиозных организаций, в том числе и с Армяно-Григорианской церковью, был создан Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. Его главой был назначен И.В. Полянский. На совет по делам религиозных культов возлагались: предварительное рассмотрение вопросов, возбуждаемых духовными управлениями, разработка проектов законодательных актов по вопросам этих культов, информирование правительства о состоянии религиозных культов, общий учет молитвенных зданий, составление статистических сводок по данному направлению. В 30-е годы часть этих функций выполняла Постоянная Комиссия при Президиуме ВЦИК по вопросам культов, созданная в 1919 году.

Обязанности уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Северо-Осетинской АССР с 9 февраля 1945 года исполнял Н. Кононов. Согласно его статистической сводке, на 1 января 1946 года в Северо-Осетинской Республике действовали: 1 армяно-григорианская церковь (в которой служил один священнослужитель из города Эривани) и 3 общины евангельских христиан и баптистов.

К недействующим молитвенным зданиям были отнесены: 31 мусульманского вероисповедания, 1 иудейского, 1 католического, 1 армянской церкви, 1 евангельских христиан баптистов и 5 прочих сект.

Как отмечалось в информационных отчетах уполномоченного за 1945–1946 годы, основными религиозными обществами на территории Северо-Осетинской АССР являлись верующие «евангельских христиан-баптистов».

В июле 1946 года уже действовало 4 таких общества. Число зарегистрированных членов достигало 1 041 человека, а незарегистрированных, в сельских местностях – 1 291 человека.

По наблюдениям уполномоченного Кононова, в 1946 году насчитывалось много верующих мусульман, «как-то: в селении Лескен, Чикола, Эльхотово и других, которые об открытии им мечетей поднимали вопрос еще в 1945 году, но за неимением там свободных мечетей, или же домов, которые можно было арендовать, до сих пор заявлений больше не подают» [3].

Подобная «пассивность» мусульман была обусловлена, по всей видимости, не отсутствием помещений для молитв, а скорее результатом утвердившейся во время войны антимусульманской позиции советского государства.

Как известно, большие планы фашистов были связаны с северокавказским регионом. На первом этапе Гитлер предполагал, что в целях дальнейшей ориентации на мусульманские страны было бы неплохо создать из горцев-кавказцев мусульманского вероисповедания специальные батальоны. В связи с этим он

заявил: «Я считаю формирование чисто кавказских батальонов предварительно рискованным делом, но не вижу опасности в создании чисто мусульманских частей» [4].

В одном из документов Рейха сообщалось: «На Кавказе, как нигде в другом месте России, адаты, мусульманские законы и шариат еще крепко держат в руках большую часть горского населения в повиновении...» [4, с. 74]. Фашистские «кавказоведы» считали, что горцы по натуре очень наивны, и с ними работать легче, чем с другими национальностями.

«Нам нужно хорошо вооружить местных бандитов, – говорилось в документе, – передать им важные объекты до прихода германских войск, которые они и сохраняют для нас. Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны, и когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить» [4, с. 74–75].

В пропагандистских целях в ряде северокавказских автономий фашисты обещали всяческие поблажки, в первую очередь – ликвидировать колхозы и открыть мечети.

При разработке осетинского направления фашистский агитпропапарат уделял меньше внимания религиозному фактору. Упор делался на арийские корни осетинского народа. Но главным для фашистов, конечно, было выгодное географическое положение Северной Осетии.

Важнейшей задачей немецкого командования на южном направлении стал захват города столицы Северной Осетии и овладение важнейшими магистралями, связывающими центр Северного Кавказа с Закавказьем и нефтяными районами Грозного и Баку [5].

После изгнания немцев с оккупированной территории советским правительством был рассмотрен вопрос «о поддержке мусульманскими народами фашизма». В феврале 1944 года Верховный Совет СССР принял постановление о ликвидации мусульманских районов. После выселения значительной части северокавказских народов сократилось и число верующих мусульман. К 1 мая 1951 года на Северном Кавказе функционировало всего 35 мечетей: 26 – в Дагестане, 7 – в Кабарде, 2 – в Адыгейской автономной области. В Северной Осетии ни одна мечеть открыта не была [5, с. 225].

В целом, несмотря на командно-административный характер деятельности обоих Советов, благодаря их настойчивости положительно решались такие вопросы, как предоставление религиозным объединениям прав юридического лица, легализация религиозных центров и регистрация их уставов, допущение определенных форм социальной активности религиозных объединений как в рамках страны, так и за рубежом, проведение съездов, общесоюзных и региональных собраний религиозных организаций, открытия духовных учебных заведений, выработка рекомендаций для

решения государственно-церковных проблем. Так, созданный в 1943 году Совет по делам РПЦ предупреждал директивные органы, что принятые законопроекты – Декрет 1918 года и Постановление ВЦИК СНК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях» – кроме своих основных положений, устарели и требуют исправления. В январе 1944 года Совет РПЦ и его уполномоченные представили правительству тщательно разработанный проект «О положении церкви в СССР». Но он не был принят. Отсутствие четкой законодательной базы привело к обострению религиозно-правовой ситуации в стране.

Постановлением СНК СССР от 19 ноября 1944 года «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» был дан ход возвращению религиозным объединениям молитвенных зданий и открытию при необходимости новых. Однако в 1945 году к постановлению была добавлена инструкция, оговаривающая условия открытия культовых помещений. В ней в противовес постановлениям военных лет указывалось, что религиозные общества не имеют права юридического лица и права на собственность, вследствие чего на них опять же налагалась масса ограничений, в том числе запрет на воспитательную, производственную и прочие виды деятельности [5, с. 224].

Ввиду того, что советское законодательство о культах имело несовершенный характер, его многочисленные недостатки отмечались как верующими, духовенством, так и представителями власти на местах. Например, по большим религиозным праздникам на улицах мусульманских сел и городов появлялись так называемые «бродячие» (незарегистрированные) муллы, которые призывали верующих принять участие в мусульманских богослужениях. С подобными призывами выступали и официальные служители культа. В связи с этим некоторые руководители стали применять незаконные административные меры по отношению к верующим. Даже муллы зарегистрированных мечетей облагались подоходным налогом. За неуплату ими этого налога отдавались распоряжения о закрытии мечети [5, с. 224].

Несмотря на ряд препятствий, в 1945 году возобновились богослужения во многих православных церквях, протестантских религиозных общинах Северо-Осетинской АССР. Совершались десятки священнических рукоположений, росло число молящихся в хра-

мах, из лагерей и тюрем были освобождены многие служители религиозных культов.

Подводя итоги, можно отметить, что улучшению государственно-церковных отношений в годы ВОВ способствовало несколько факторов:

1. Итоги проведенной всесоюзной переписи населения 1937 года опровергли радужные прогнозы советского государства о массовом отходе от религии. Данные переписи показали, что среди грамотных веруют 44 %, а среди неграмотных 74 % человек. Всего же было опрошено 68 473 289 человек, из них 30 862 087 заявили о своей вере в Бога.

2. Наблюдалось массовое возвращение в церковь в связи с трудностями военного времени (потерей родных и близких, бедами и лишениями) тех советских граждан, которые покинули ее в предвоенные годы, но не успели утвердиться на позициях научного коммунизма.

3. Активная патриотическая позиция руководства и основной массы духовенства РПЦ и армяно-григорианской церкви, оказание различными религиозными конфессиями духовной и материальной помощи фронту.

4. Геостратегические интересы: для прочного завоевания международных позиций необходимо было придать коммунистическому режиму ореол глубоко демократического, веротерпимого государства.

Таким образом, в 1943–1945 годах наблюдались разительные (по сравнению с 1930-ми годами) перемены в государственно-церковном вопросе. На смену шумным судебным процессам над священнослужителями пришло признание государственными структурами важной роли церкви в политической, патриотической и социальной сферах общества. В рассматриваемый период особенно укрепилось положение РПЦ, но отсутствовала четко регламентированная правовая основа ее деятельности. В наскоро написанном Положении об Управлении Русской Православной Церкви 1945 года отразились все черты советской конституции: призрачный демократизм и чрезмерная централизация [6].

Должностные перестановки в высших органах власти в 1953 году, после смерти И.В. Сталина, повлекли за собой перемены и в государственно-церковных отношениях. Провозглашенный Н.С. Хрущевым лозунг о скорейшем построении коммунистического общества не предполагал существования в будущем верующих граждан.

Литература

1. *Уполномоченный СДР по СО АССР. Общая переписка // Архив ст. научного сотрудника СОИГСИ С.Р. Бирагова. Ф.1. Оп.1. Д. 14. Л. 22.*
2. *Протоиерей Владимир (Цыпин). История Русской Православной Церкви (1917-1990 гг). Учебник для православных и духовных семинарий. Московская Патриархия. Чехов, 1994. С. 115.*
3. *Уполномоченный СДР по СОАССР. Общая переписка // Архив ст. научного сотрудника*

4. *СОИГСИ С.Р. Бирагова. Ф. 1. Оп 1. Д. 16. Л. 26.*
4. *Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. – М.: «Граница». 1999. С. 75.*
5. *Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. – М.: «РИК». 2003. С. 218.*
6. *Якунин В.Н. Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура ее управления в 1941–1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4.*